

<http://www.rbc.ru/opinions/economics/11/07/2016/578394819a7947f0104c3412>

Евсей Гурвич,
руководитель Экономической
экспертной группы

Минфин прав: пять причин для замораживания бюджетных расходов

Бюджетные стимулы дадут лишь краткосрочный эффект и не решат накопившиеся в российской экономике проблемы

Предложение Минфина заморозить расходы федерального бюджета на следующие три года многие экономисты подвергают жесткой критике. Думаю, эти упреки исходят из анализа ситуации лишь «на один ход». Однако наша экономика (и бюджет в первую очередь) по-прежнему привязаны к ценам на нефть, а они циклически колеблются с периодом порядка 30 лет. Соответственно и бюджетная политика должна просчитываться на много лет вперед. Если говорить не о том, как повысить рост экономики в 2017 году, а о выводе нашей экономики на более высокую траекторию и недопущении нового витка кризиса, то сразу видно множество аргументов в пользу сдержанной политики расходов и ни одной серьезной причины проводить бюджетное стимулирование.

1. Нормальные \$50 за баррель

Представления о том, что на замедление экономики нужно автоматически реагировать монетарным и/или бюджетным стимулированием, глубоко ошибочны. На самом деле стимулирующие меры должны рассматриваться только при временном сокращении спроса, не вызванном фундаментальными факторами. В этом случае паузу, взятую частным спросом, действительно можно замещать государственным спросом. Сейчас мы имеем дело с противоположной ситуацией: цены на нефть (а вместе с ней и внутренний спрос в нашей экономике) вернулись к своему «нормальному» уровню после почти пятнадцатилетнего отклонения вверх, и сейчас больше шансов на их дальнейшее снижение, чем на возвращение в диапазон \$100 за баррель и выше. Наша бюджетная (и не только бюджетная) политика строилась на представлении, что цены на нефть никогда не снизятся — а в глубине души мы, конечно, рассчитывали, что они и дальше будут расти. Эти надежды оказались иллюзорными, и непонятно, каким образом теперь, при цене барреля в районе \$50 или ниже и без надежды на более дорогую нефть, можно жить так же, как прежде?

Конечно, было бы хорошо по-прежнему повышать пенсии и зарплаты бюджетникам, воображая, что нефть стоит уже \$150 за баррель, а завтра еще подорожает, и не обращать внимания на неприглядную реальность. Но экономика — суровая материя, которая не терпит иллюзий и фантазий. И наш, и мировой опыт показывает, что значительно лучше преодолевают кризис те страны, которые быстро (хотя иногда и мучительно) адаптируются к новым условиям, а не те, которые пытаются сохранить прежнее благополучие, отказываясь приспособиться к новой реальности. После тяжелого кризиса 1998 года Россия всего за два года сократила расходы бюджетной системы с 44 до 35% ВВП (на 9 процентных пунктов, или на 30% в реальном выражении!). За этим, напомним, последовал не кризис, а период быстрого роста экономики.

Противоположный пример — Греция, упорно сопротивляющаяся бюджетной консолидации и в результате за семь лет, начиная с 2009-го, потерявшая 26% своего ВВП. Это не исключение, а общее правило: если условия изменились не на год, а на десятилетия, то лучше быстро адаптироваться к ним и затем возобновить рост по новой траектории.

2. Производство загружено

Стимулирование увеличивает производство, только если имеются большие неиспользуемые резервы производственных мощностей и рабочей силы. Сегодняшняя безработица (5,5% от рабочей силы) по всем оценкам близка к своему «естественному» уровню. А это значит, что даже на короткое время стимулирование может лишь незначительно оживить производство, основная же часть дополнительного спроса превратится в более высокие цены и в дополнительный импорт.

3. Инвесторы не доверяют

В условиях неопределенности и огромных рисков, в которых находится российская экономика, важнее не увеличение спроса, а завоевание доверия инвесторов. С этой точки зрения выгоднее иметь небольшой, но надежно гарантированный рост, чем более высокий, но «авантюрный», способный превратиться в спад при небольшом ухудшении конъюнктуры. Сохранение больших расходов и большого бюджетного дефицита потребует использования почти всех средств не только Резервного фонда, но и ФНБ. Что тогда делать правительству (и экономике), если цены упадут до \$30 за баррель (в этом нет ничего нереального, мы только что наблюдали такие цены)?! Могу только с уверенностью сказать, что будут делать инвесторы — они воздержатся от инвестиций в экономику, балансирующую на грани нового кризиса.

4. Ограниченный рынок заимствований

Возможности правительства занимать на внешних рынках из-за санкций крайне ограничены, занимая же на внутреннем рынке, оно фактически изымает существенную часть тех ограниченных средств, которые могли бы пойти на финансирование инвестиций частного сектора. Иными словами, гипотетический плюс от увеличения бюджетных расходов может быть сведен на нет сокращением инвестиций негосударственного сектора. Этот эффект хорошо известен в экономической литературе как «вытеснение частных инвестиций».

5. Проблема не в расходах

В нынешней ситуации бюджетное стимулирование способно сыграть только роль «обезболивающего», устраняющего симптомы, но не решающего настоящих проблем. Оно не помогает устранить разрыв между сложившимися бюджетными расходами и новым уровнем доходов, так же как не помогает повысить уровень конкурентоспособности нашей экономики. Использование стимулов — это фактически способ уйти от решения накопившихся проблем в российской экономике. Неслучайно еще недавно предлагалось бороться такими мерами с замедлением экономики, даже когда цены на нефть составляли \$110 за баррель! Пора признать, что проблемы нашей экономики носят глубокий, хронический характер, и начать лечить ее — на «обезболивающих» долго не проживешь.

Точка зрения авторов, статьи которых публикуются в разделе «Мнения», может не совпадать с мнением редакции.